Кооперативное Издательство „Жизнь и Знание“
Москва, Лубянский пассаж, пом. № 39. Тел. 5-04-51.

БИБЛИОТЕКА ВРАЧА. Книга 2-ая.

Э. КРЕЧМЕР

Медицинская психология

Перевод с 3-его немецк. изд. под редакцией и с предисловием
В. Е. Смирнова.

С 24 рисунками в тексте.

Москва
1927

Главлит № 61343 Москва, 1926 г Тираж 5.000 экз.

Нотопечатня Госиздата, Колпачный, 13. Тел. 11-85. Зак. 1029.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Всем, кто следит за развитием современной психологии, известно, какие огромные сдвиги произошли в последнее время в этой области научного исследования. Эти сдвиги касаются методов, самого содержания психологии, тех тенденций, которые она все более усваивает. Психология на наших глазах окончательно формируется в позитивную науку с дифференцированными экспериментальными методами, науку, охватывающую обширную область человеческого поведения, стремящуюся практически использовать те обширные и разнообразные знания, которые она теперь с жадностью усваивает со всех сторон. Любителям системы, законченных построений может не понравиться обилие разнообразного несогласованного материала, букет различных точек зрения и направлений, неопределенность понятий, спорность основных постановок вопросов, эти до известной степени лоскутность и негармоничность, несколько странные для науки. Практическим умам все еще кажется незначительной та непосредственная польза, которую они хотели бы получить от психологии. Людям ультрапозитивного склада она все еще кажется бесплодной метафизикой. И те, и другие, и третьи не видят действительного положения вещей и не чувствуют тех гигантских шагов, которыми движется психология, преодолевая не по дням, а по часам, старую ублюдочность своего содержания, наивность прежних точек зрения, свою былую оторванность от жизни. Психологию нельзя изучить, о ней нельзя даже составить приблизительного представления, прочитав какой-либо элементарный учебник. Эта обширная наука состоит из целого ряда отдельных дисциплин, которые в весьма различных областях жизни иллюстрируют общие психологические законы. Чтобы судить о психологии в целом, необходимо дать себе труд, большой труд, ознакомиться не с немногими психологическими терминами, а с богатым и разнообразным научным материалом. Психология остается последней наукой, о которой все еще считается возможным произносить решительные суждения чуть ли не каждому человеку. Надо надеяться, что это время скоро пройдет, что для всех станет ясным, что психология есть отдель-

здает у соответственно предрасположенных людей почти невыносимую внутри-психическую натянутость, нуждающуюся лишь в некотором толчке переживания, чтоб разразиться невротическим взрывом. Так, у пожилых гувернанток часто развивается особый вид озлобленной и раздражительной нервозности. Если к этому присоединится еще единичное сильное оскорбление или тяжелый этический конфликт, то с психологической последовательностью из этого неустойчивого расположения души возникают идеи мнимого оскорбления, дурного отношения и преследования. В таких профессиях, как профессия народного учителя, в которых обнаруживается тяжелый контраст между энергичным идеалистическим стремлением ввысь и недостатком внешнего социального признания, особенно легко развиваются параноические наклонности. Мы видим здесь людей, больше, чем где-либо, находящихся в состоянии постоянной тревоги по отношению к окружающим людям, к своему начальству и ведомству, постоянно готовых почувствовать себя отставленными, обиженными, осмеянными. Ясно, что на почве такой диатезы среды гораздо легче, чем где бы то ни было, возникает тяжелая хроническая нервозность, ненормальные взрывы аффектов, параноические образования. Подобным же образом часто окрашены чувством озлобленности у фабричного рабочего его классовая борьба за заработную плату и вытекающий отсюда невроз (Rentenneurose).

В жизненном кругу так называемых старых дев особенно интенсивно комбинируются биологические и экзогенно-психологические моменты преобразования характера. Вынужденное безбрачие, более или менее против воли, происшедшее изъятие из нормальных условий половой жизни и размножения—в популярной, преследующей воспитательные цели, литературе часто изображается, как нечто, не имеющее основного значения для телесного и душевного развития человека. Это, конечно, неверно. Во всяком случае, определенно расположенные люди под влиянием этого подвергаются сильным душевным изменениям, искажениям и реактивным душевным расстройствам. Особенно касается это женщин, у которых половая жизнь занимает более центральное место в психике, чем у мужчины, и у которых брак одновременно является и профессией. В прежнее время, до наступления для женщины возможности проявления своих сил в разносторонних профессиях, незамужняя пожилая девушка вытеснялась из области плодотворной деятельности и обрекалась в самых неблагоприятных случаях, как это и теперь нередко бывает, на жалкое существование, преисполненное мелочей материальной нужды, в узком кругу таких же старых дев, ограниченном горизонтом провинциального городка. Давно известен проистекающий отсюда педантичный, кислый, жеманный, ханжеский характер. Мы уже говорили о половых заменообразованиях, пристрастиях и странностях этого типа, порожденного средой. Нормальные эротические потребности души проявляются затем у добропорядочных лиц этого круга в склонности к профессиональному сватовству в кругу родных и знакомых, у менее же добродушных, наоборот,—в склонности к злостному разнюхиванию и сплетням, касающимся сексуальной репутации других людей.

На почве специальных жизненных раздражений у стареющих дев особенно легко развиваются истерические конверсии, агрессивные настойчивые жалобы на мнимые ухаживания, принудительно-невротические или сенситивно-параноические идеи на почве этических сомнений или конфликты с неугасимым половым влечением, или же своеобразно тихие, кататимные формы любовного бреда, где в течение долгих лет с уверенностью ожидается, напр., давно исчезнувший возлюбленный юности, или какой-нибудь робко издали обожаемый человек, ставший поздно предметом любви.

Мы выбрали здесь лишь немногие, особенно типичные примеры воздействия среды; было бы излишним перечислять их все.

Таким образом, все характерологическое выясняется на почве изучения предрасположений темперамента и воздействий среды; оно проявляется и обнаруживается в постоянном взаимодействии характера и его переживаний. Мы рассмотрим теперь прежде всего некоторые основные типы переработки переживаний и сопоставим их затем с индивидуальными особенностями структуры личности.

---

12 ГЛАВА.

Переживания.

Комплекс и сверхценная идея (überwertige Idee).

Под переживанием мы разумеем окрашенный эмоцией душевный комплекс, который самостоятельно выступает в сознании. Из равномерного течения психических функций там и тут, как острова, выплывают сильно аффективно окрашенные более узкие соединения представлений и восприятий, которые со своей стороны приобретают широкое, определяющее влияние на дальнейший психический процесс. Только такие выделившиеся отдельные группы называем мы переживаниями. Станет ли впечатление переживанием или нет—это зависит не только от силы соединенных в нем внешних факторов, но и от интрапсихической констелляции переживающего индивида. Незначитель-

ный маленький кивок головы может стать для влюбленного предметом сильного переживания, долго господствующим над его мышлением и действиями.

Наоборот, вид волнующегося моря, могущий стать для жителя материка сильным переживанием, рыбаком уже совершенно, как таковое, не отмечается.

Только у определенно предрасположенных людей сильно аффективные переживания, особенно неприятного свойства, имеют иногда тенденцию становиться чем-то вроде инородных тел и так сильно откалываться от устремляющегося дальше потока психических явлений, так обособляться, что даже при желании отделаться от них, это не удается. Они не поглощаются, не могут быть просто забыты, но и не могут быть использованы для актуальных психических процессов. Они образуют самостоятельные энергетические побочные центры, которые тягостно воздействуют на общий психический процесс, давно уже между тем продвинувшийся вперед, нарушая его. Такие энергетические побочные центры мы называем комплексами.[1]) Они имеют большое значение для возникновения нервных заболеваний и реактивных психозов. Отдельные типы темпераментов расположены к комплексам в очень различной степени. Циклотимики большею частью непосредственно перерабатывают раздражения от переживаний приятного или неприятного свойства так, как они их получают. Гипоманиакальный тип, веселый, подвижной, как ртуть, без внутренних задержек, наивно и без остатка отдающийся каждому новому впечатлению, не знает никаких длительно действующих комплексов. У меланхолика же легко возникают доминирующие идеи, но не комплексы, его депрессивные страхи согласуются с его общим душевным процессом, а не откалываются от него. Шизотимики, напротив, очень склонны к комплексам, а среди них особенно нервные гиперэстетики.—Их комплексы, эти изолированные отщепления и заторы в течении их аффектов, основаны на тех же самых расстройствах проводящих путей в целостном нервном аппарате, благодаря которым часто их психомоторность делается также неровной, угловатой и задержанной. Но и у преимущественно анэстетических шизотимиков, наружно представляющихся в высшей степени холодными, даже у глубоко индолентных старых клинических шизофренов, мы находим в самой глубине часто еще некоторые специфические, сверхчувствительные комплексы.

Смотря по предрасположению характера человека, его комплексы занимают различное положение по отношению к сознанию. У одного они преимущественно сферичны,—

[1]) Термин „комплекс" происходит от Блейлера (B'euler) и Юнга (Jung). Он часто употребляется и в более широком смысле, а именно для обозначения эмоционально окрашенных групп представлений.

они не могут быть четко изжиты в центре души, но беспокоят его и мешают, подымаясь с периферий, из темных глубин его сознания. Такие сферические комплексы основаны чаще всего на кататимном вытеснении. Задержкой, напротив, называем мы такие комплексы, которые постоянно с мучительной отчетливостью находятся в центре сознания. Вытеснения образуют главную базу для истерических типов реакции, задержки же—для сенситивных (принудительно-невротических и сенситивно-параноических).

От комплексов следует отличать другой вид сильно аффективных переживаний, а именно сверхценные идеи. Кто-нибудь, допустим, несправедливо, по его мнению, осужден в каком-нибудь процессе. Это переживание обиды охватывает всю его душу, оно на долгое время делается господствующим содержанием его жизни. Он обращается во все инстанции, ничего не видит и не слышит, кроме того, что имеет отношение к его „большому делу". Это—сверхценная идея. Она не является энергетическим побочным центром, но скорей—единственным главным центром, не откалывается, а сливается с целостной личностью. Вся личность согласуется с сверхценной идеей, отдавая ей добровольно всю имеющуюся в ее распоряжении психическую энергию; личность растворяется в идее, отождествляется с ней, идея является ее ядром и вершиной. Человек, который тот же самый процесс пережил бы, как комплекс, старался бы, наоборот, отделаться от тягостного впечатления поражения в суде, забыть его, перейти к другим, более приятным привычным жизненным задачам, есть, пить и спокойно работать. Но как раз ему, как раз при таком привычном энергетическом основном течении психического процесса, комплекс постоянно противопоставлял бы известные помехи.

Сверхценные идеи принадлежат к числу важнейших побудителей человеческих действий. Сверхценная идея собирает „в наименьшей точке величайшую силу", а потому она особенно подходит к сверлящему, проникающему вглубь мышлению, к некоторым видам исследовательской и изобретательской деятельности, вообще к обретению интенсивно концентрированных высоких достижений. В любви и в партийной политике возникают сильнейшие сверхценные идеи, тираннически сводящие к себе все мышление и делающие слепым ко всему постороннему.—В области психопатологической мы находим сверхценные идеи—при экспансивном развитии и, в несколько иной непродуктивной форме, при реактивной депрессии.

Как же действуют сверхценные идеи и комплексы на общий душевный процесс, в частности на ассоциативную деятельность и на память?—Сверхценная идея действует, как полюс магнита на железные опилки. Все укладывается кон-

центрически вокруг нее и направлено на нее. Вся энергия устремляется к ней, все мысли к ней соотносятся. Кругозор, следовательно, сильно сужается. Сверхценная идея выбирает всегда из имеющегося в ее распоряжении материала лишь те наблюдения и воспоминания, которые ей подходят или могут быть обращены в ее пользу; все же, что не имеет для нее цены или ей противоречит, выключается из сознания и не находит себе отзвука. Она, следовательно, действует на память и наблюдательность, сильно преобразуя их; воспоминания у умов, неспособных к сопротивлению, могут в короткое время превратиться в нечто, противоположное себе. Таким образом сверхценная идея производит двоякое: 1) суженный душевный кругозор с кататимным подбором психического материала и 2) склонность к идеям отношения, которая у психопатов может затем привести к систематически построенным параноическим бредовым представлениям.

Воздействие комплексов понять не так легко. Можно напр., сделать следующий ассоциативный опыт: взяв ряд безразличных отдельных слов, мы к ним присоединим несколько таких, по отношению к которым мы предполагаем у исследуемой личности комплексную аффективную окрашенность и предлагаем ей быстро отвечать на раздражение от каждого, сказанного ей слова, первым попавшимся ей словом. Тогда мы получаем реакцию при ряде нейтральных слов почти всегда очень быстро, приблизительно в тех же самых коротких промежутках времени. Если же между этими словами попадется отдельное слово, которое заденет комплекс или вообще аффективно окрашенную группу, то мы часто получим сильное удлинение времени реакции, а также и влияние комплекса на ответное слово по содержанию. То же мы отмечаем и в повседневном наблюдении: комплексы нарушают плавный процесс мышления. У кого есть комплекс, тот рассеян, неровен в своем внимании, многое прослушивает. Подобным же является и влияние комплекса на психомоторную сферу. Люди с таким комплексом легко оговариваются, неловко себя ведут, роняют предметы и т. под. Такой же капризной и не поддающейся учету под влиянием комплекса делается и функция памяти, в частности воспроизведение воспоминаний: вдруг мы не можем вспомнить хорошо дотоле знакомое имя или число; цитируя хорошо знакомое стихотворение, мы застреваем в знакомом месте, или мы явно ошибаемся в каких-нибудь данных, в знании которых мы до сих пор были уверены.

Такие ошибочные реакции[1]) имеют иногда большое психологическое значение, которое легко может использовать искусный диагност. Они могут указать нам путь к комплексам, которых их носитель не хочет признать за собой или которые сферически локализированы, а потому недоступны ему самому. Между прочим, они приводят не только к комплексам в узком значении слова, здесь употребленном, но и к аффективно-окрашенным представлениям вообще. Интересный пример пример приводит Юнг[1]).

---

[1]) Основательно проработаны у Фрейда (Freud): Психопатология обыденной жизни.

Некто хочет процитировать известное Гейневское стихотворение: „Ein Fichtenbaüm steht einsam“ („На севере диком стоит одиноко“). На строчке: „Ihn schläfert“ он останавливается, он не может вспомнить продолжения „Mit weisser Decke“. Когда его, взяв эти слова за точку исхода, заставили отдаться свободным ассоциациям, он образовал следующий ряд: „При „weisser Decke“ (белом покрове) думаешь о саване... о полотнянном покрове для покойников... (пауза)... теперь мне вспоминается один близкий друг... его брат совсем недавно внезапно умер... говорят он умер от разрыва сердца... он был также очень дороден... мой друг тоже дороден, и я уже думал о том, что его может постигнуть то же самое... он, наверное, слишком мало делает моциона... когда я услышал об этой смерти, то на меня нашел страх, что и меня может постичь то же самое, так как в нашей семье есть склонность к ожирению, и мой дед также умер от разрыва сердца. Я нахожу себя тоже слишком тучным и на этих днях начал курс лечения от ожирения“.

Здесь кроется сильно аффективно окрашенный ипохондрический комплекс у корня нарушения процесса припоминания. Таким же образом при схематическом ассоциативном опыте, исходя из слов с удлиненным временем реакции, мы можем заставить свободно ассоциировать исследуемую личность и так докопаться до комплекса. Так иногда мы можем дойти и до патогенных комплексов в истерии или принудительном неврозе, если нам не удается получить их в прямом изыскании. Мы обозначаем некоторые виды обусловленных комплексом ошибочных реакций непосредственно, как симптоматические действия, а именно прежде всего такие действия, которые происходят между прочим и бессознательно, напр., когда комкают бумагу, роняют обручальное кольцо, опрокидывают вазу и т. под. Такие действия могут выдать иногда известную аффективную тенденцию, напр. неприязнь к подарившему обручальное кольцо, в которой не хотят сознаться, хотя не следует, однако, заходить настолько далеко, чтобы за каждой пустячной неловкостью или забывчивостью искать важный комплекс. Правда, в душевной жизни все детерминировано до малейшей детали, но не всегда именно комплексом.

Как же разрешаются комплексы и сверхценные идеи? Разряжение таких сильно аффективных групп называют отреагированием (Abreagieren). Многие из этих комплексов, в нормальной психологии большинство, постепенно разрешаются сами собой; они распадаются и теряют свою аффективную ценность. Они подлежат в конце концов изнаши-

---

[1]) C. G. Jung. Ueber die Psychologie der Dementia praecox, 1907.

ванию (Usur), вследствие продолжительности времени, как и вообще материал нашей памяти. Другие разряжаются вдруг в неожиданной вспышке гнева или в каком-нибудь аффективном действии, после чего наступает отчетливое чувство облегчения. Так, у определенно предрасположенных людей комплексы — воспоминания о тягостной ситуации, скрытые натянутые отношения личного свойства на почве прежней обиды, — долгое время могут пролежать скрытыми, как подземные мины, пока кто-нибудь нечаянно не подожжет фитиля, и они не дадут тогда сильного взрыва. Это может произойти в совершенно неожиданные моменты. Так, старый кататоник, неделями пролежавший в неподвижном оцепенении, может внезапно вскочить, наградить пощечинами нового сопациента и сейчас же обратно впасть в состояние своего оцепенения. Лицо этого сопациента мимолетным сходством, может быть, напомнило ему человека, который давным давно его обидел. Подобные же явления встречаются и в нормальной психологии. Непонятные симпатии или антипатии по отношению к определенным лицам могут быть обусловлены неопределенным родством со скрытыми старыми комплексами.

Далее комплексы могут быть отреагированы в том случае, если создается для них возможность психомоторного проявления; все подобные меры могут уменьшить или совсем уничтожить мучительный затор аффектов. Так, благоприятно действует простое основательное рассказывание о пережитом врачу или доверенному лицу, то, что называют „исповедью“. При вытесненных, ясно несознаваемых комплексах так же действует приведение их в область сознательной душевной деятельности и отчетливое, конкретное продумывание их, приведение их в связь с общим запасом всех представлений личности и включение в него, следовательно, уничтожение их отколотости, их комплексной изолированности. В данном случае у человека наблюдается то же явление, как у лошади, которая пугается темных предметов, смутно беспокоющих ее с периферии ее кругозора; если же мы ее заставим ясно разглядеть тягостный предмет, она спокойно и уверенно пройдет мимо. Здесь во всяком случае рекомендуется большой такт со стороны врача. Существуют также вещи, которые лучше оставить в покое, которые постепенно устраняются, благодаря изнашиванию памяти (Gedäctnisusur); при раскапывании же только снова мучительно оживают. Нужно почувствовать в разговоре, подействует ли раскапывание комплексов скорей мучительным или облегчающим образом. Кто не обладает таким деликатным личным инстинктом, вообще не должен заниматься утонченной психотеропией.

Мы уже упоминали о том, что сублимирование является одной из ценнейших форм при отреагировании сильных побудительных тенденций даже комплексной структуры. Мы должны отвести в правильное русло сильные источники энергии, содержащиеся в комплексах и сверхценных идеях, а именно привести их к психомоторному разряжению в форме продуктивных волевых действий. Чем больше при этом избранное направление деятельности вставляется в рамки содержащейся в сублимированной форме, в комплексах и сверхценных идеях побудительной тенденции тем бóльшим будет успех. Поэтому деятельность и работа является ядром и путеводной звездой всей психотерапии, обширным стоком для всех психических энергий, который их принимает в себя и об‘единяет, препятствуя вредным откалываниям. Нужно комплексы „употребить в работу“ в энергичной ли мыслительной деятельности и об‘яснении с самим собой или лучше всего в действиях во вне. Именно не проработанная энергия переживаний является в первую очередь тем, что создает разными запутанными обходными путями ложные покривления и ответления общего потока душевной жизни — неврозы и реактивные психозы.

Психические переживания, как причина.

Если мы находим комплекс в корне какого-нибудь невроза, или мотив переживания — источником какого-нибудь действия, мы часто не можем считать себя удовлетворенными. Часто приходится слышать следующие вопросы: „начал ли какой-нибудь политический деятель свою карьеру из личного честолюбия, корысти или из любви к общему благу“? Такие вопросы в большинстве случаев ошибочны в своей основе, потому что большею частью душевное расположение к какому-нибудь действию не складывается из одного или другого мотива, а из всех мыслимых в данной ситуации побуждений, только в различных отношениях силы. Из такой неправильной постановки вопроса охотно делают следующий популярный вывод: я доказал наличность у данного политического деятеля личного честолюбия, — следовательно, он не мог действовать из любви к общему благу.

В действительности же дело обстоит так. При возникновении какого-нибудь действия образуется узел мотивов, если выразиться более общим термином, — психический каузальный узел, который может принять в себя и об‘единить одной общею целью энергетические частичные компоненты из самых разнообразных источников. Побудительная сила окончательно результирующего действия является в таком случае вполне целостной и единой и соответствует сумме вошедших в нее энергетических частичных компонентов. Если мы отнимем у политического деятеля его денежные выгоды, он часто будет добросовестно работать на благо

родины, но аффективный порыв, с которым он будет это делать, может значительно уменьшиться.

Наиболее осознанным в такой группе мотивов в большинстве случаев является этически наиболее ценный мотив, между тем, как банальные, эгоистические или низкие мотивы, энергетически принимающие, может быть, более сильное участие, в сознании представлены в большинстве случаев слабо, главным образом, сферически. Особенно элементарно-побудительные мотивы часто вытесняются в пользу утонченных этических обоснований, без того, чтобы здесь можно было сказать: это—лицемерие,—высший этический мотив совсем не принимал участия в качестве условия этого действия,—он был только ширмою для мотива эгоистического или побудительного. В действительности нужно было бы сказать, что в это действие вошел целый ряд более сильных и слабых мотивов, и в таком узле мотивов типичным образом этически наиболее ценный является доминирующим в сознании, а наиболее элементарно-побудительный является доминирующим в динамическом отношении. Умный психолог-практик скорее потребует от какого-нибудь этического действия или направления жизни большой доли побудительности и здорового эгоизма, если он должен доверять его силе и продолжительности, ибо динамическая выносливость чистого этического идеализма у большинства людей бывает очень хрупкой и слабой.

Сюда присоединяется еще один важный факт, аналогичный тому, что нам дают набюдения над взаимодействием между волей и рефлексом. Если мы попробуем по своей воле и с полным сознанием усилить какой-нибудь находящийся в действии рефлекс, насильно его форсируя и подталкивая, то это нам не удастся. Напротив, как только мы присоединим волевой импульс совершенно диффузно и между прочим,—волевой и рефлексный импульсы сольются. Тогда получается гладкий естественный смех, кашель или дрожь. Совершенно подобным же образом обстоит дело и с мотивами. Если бы приведенный нами в пример политический деятель каждое мгновенье отдавал себе отчет в том, что он занимается политикой: а) из честолюбия, в) из корысти, с) из патриотизма,—эти три мотива очень плохо сливались бы в однородную побудительную силу его действий. Следовательно, гетерогенные импульсы очень плохо сливаются при полном свете сознания и, чем дальше от центрального пункта сознания, тем более гетерогенные импульсы могут сливаться в однородную побудительную силу. Таким образом, слияние импульсов есть преимущественно сферическая функция.

Мы делаем следующую сводку этих простых, но часто забываемых правил образования мотивов:

1. Большинство душевных реакций вытекает не из одного мотива, а из узлов мотивов. В них оказывается гораздо больше мотивирующих компонентов, чем мы сперва этого ожидаем.

2. В узле мотивов имеется тенденция к тому, чтобы этически наиболее ценный импульс являлся доминирующим в сознании, а наиболее элементарно-побудительный — доминирующим в динамике

3. Слияние импульсов является преимущественно сферической функцией. Чем дальше от центрального пункта сознания, тем более гетерогенные импульсы могут сливаться.

В области неврозов мы находим яркие примеры, подтверждающие эти правила.

15-летний сын крестьянина подвергается лечению, потому что каждую ночь с испугом вскакивает из полусна, видит собаку, которая скалит на него зубы, после чего мальчик в страхе подбегает к спальне родителей, стучит в дверь, воет и ведет себя, как бешеный, если ему не открывают. Он часами сидит перед дверью и не дает спать. До этого происходило следующее: 1. Незадолго до того мальчик ездил в город. Там его в трактире внезапно укусила, выскочившая из-под печки собака. 2. Его будущая мачеха, находясь тогда на правах невесты в доме его отца, четыре недели ухаживала за его раной; при этом, в конце концов, мальчик влюбился в нее и сделал ей предложение, сказав ей, чтоб она не выходила замуж за отца, но подождала бы 6 лет, и тогда он сам женится на ней. 3. Когда она отклонила его желание полового общения и стала насмехаться над ним, назвав его маленьким увальнем, он стал очень упрямым, стал по отношению к ней в острую оппозицию, ссылаясь на то, что она хочет его вытеснить из его первенствующего после смерти матери положения в доме и хочет умалить долю его будущего наследства. Он по этому поводу сделал отцу принципиальное возражение. Свадьба, несмотря на это, состоялась за несколько недель до того, как разразился невроз. 4. Он кое-что украл и боялся обнаружения этого.

В предполагаемом динамическом сочетании причин этого невроза мы набюдаем 4 следующих гетерогенных побуждения или комплексов: 2 комплекса боязни различной окраски и совершенно различных источников,—а) боязнь собаки, как следствие укуса и в) боязнь обнаружения кражи; затем 2 комплекса протеста различного характера,—оба направленных против мачехи: а) бешеная половая ревность и, в) борьба за деньги и власть в доме. В ночных невротических сумеречных состояниях, энергетические компоненты из этих совершенно различных аффективных комплексных источников сливаются в единую результирующую—в невротическое аффективное действие, аффектом-носителем которого является гомогенная смесь боязни и бешенства, и которое в виде результата курьезным образом имеет в виду 2 цели: разрядить страх и одновременно вместе с этим основательно нарушить счастье брачных ночей мачехи. При этом в результирующем действии можно непосредственно проследить 2, даже 3 комплекса, а именно боязнь собаки в галюцинации и бешенство против

родителей в продолжающемся часами упрямом шуме перед их дверью, в то время, как о страхе, вызванном воровством, мы только знаем, что он имел место в то же самое время и также содействовал нарушению аффектного равновесия.— Это—типичный пример того, как наши мотивы и действия (и не только невротические), сливаясь в темных сферических глубинах нашего сознания, питаются самыми разнообразными и не похожими друг на друга комплексными источниками.

Формы переживания.

Какие же группы переживаний являются в душевной динамике наиболее сильно действующими или легче всего вызывающими, что есть то же самое, неврозы или реактивные психозы? Клинический опыт дает нам на это совершенно определенный ответ. Самыми сильными переживаниями всегда являются те, что вызваны элементарными побуждениями. На это нам одинаково указывают картины истерических, параноических и принудительно-невротических заболеваний,—3 главных группы психогенного душевного расстройства. При этом в неврозах взрослых людей, не имеющих тесного соприкосновенья с жизненной нуждой, на самом первом месте, как патогенный фактор, стоит половое влечение. Можно сказать, что, помимо неврозов, вызванных войной и несчастными случаями, а также детских неврозов, по крайней мере, три четверти всех реактивных душевных расстройств основано на половых комплексах, начиная с сильно аффективных представлений, связанных с самим половым актом, с онанизма, бессилия, извращенности, воздержания, coitus interruptus, боязни беременности или заражения, через различные формы морально половых сомнений, несчастную любовь, нарушение брачной верности, разрыв брака, ревность и зависть к чужому браку, вплоть до самых сложных душевных дисгармоний, имеющих свои корни в половом влечении.

Так как нервные дети обнаруживают часто извращенное и слишком раннее половое развитие, то и в детских неврозах половые комплексы уже играют большую роль, и прежде всего неврозы взрослых могут корениться в половых переживаниях детства. Порождая комплексы, действует на детей прежде всего онанизм со страхом наказания за это, подобным же образом действует на них чтение запрещенных книг, подсматривание половых актов и подслушивание разговоров взрослых, далее те извращенности, которые иногда у детей-психопатов четко можно проследить уже в самом раннем детстве: мазохистическое половое возбуждение при побоях, садистские (мучение животных) и гомосексуальные побуждения, наконец, преждевременная настоящая влюбленность,

напр., с обнаруженными желаниями инцеста по отношению к собственной матери и т. под. Наоборот, другие виды детской истерии психологически построены совершенно просто,— они являются ни чем иным, как мимолетными реакциями на неблагоприятные домашние или школьные условия; избалованность матерью, страх перед отцом, учителем, боязнь спать в темноте, простое подражание истерическим выходкам матери, братьев, сестер или товарищей по школе.

Угроза инстинктам самосохранения действует, вызывая патогенные переживания в острых картинах ужаса, в неврозах, вызванных войной и несчастными случаями. Затем страх за жизнь и здоровье в его медленно подкрадывающейся форме влечет за собой целые полчища ипохондрических комплексов, лежащих в течение долгих лет, как кошмар, на личности, способных парализовать работоспособность и жизнерадостность. По отношению к этим коварным душевным вредителям врач несет главную ответственность, так как он одним словом может их устранить или вызвать. Правда, очень часто эти реакции ужаса, как и ипохондрические реакции, „сверхдетерминированы“, в их каузальный узел, кроме боязни за жизнь, вошли либо половые комплексы, либо обиды по службе, или желание денег. Можно стать ипохондриком на почве возмещения рентовых убытков, или получения пенсии, или будучи обойденным при производстве или прежде всего на почве сексуальных угрызений совести, из-за онанизма или половой болезни.

Особенно странный оборот дело принимает в реакциях ужаса. Какой-нибудь пустяк, выскочившая мышь, может при некоторых обстоятельствах вызвать у какого-нибудь человека самые тяжелые переживания, в то время, как серьезная опасность жизни бесследно прейдет мимо него.

Одна дама [1]), несколько лет тому назад бесстрашно переходившая в Петербурге улицу во время революции при свисте пуль, возвращалась вечером в обществе из гостей. Быстро едущий за ними экипаж повергает ее в сильный ужас,—она теряет голову и до тех пор бежит перед лошадьми, пока не падает, обессиленная, и при продолжительной истерической реакции ее относят обратно в дом хозяина, где она была в гостях.

Анализ дает следующее: 1. Ребенком она пережила ужас от опасного для жизни эпизода с лошадью, обрушившись с экипажем в реку, 2. она борется с подавляемым чувством любви к этому самому хозяину, который, правда, в эту же ночь сделал ей пламенное признание. Итак, мы здесь снова имеем каузальный узел совершенно гетерогенных первичных комплексов: старых воспоминаний ужаса и нового любовного желания. Они лежали готовыми в сфере сознания, новое переживание ужаса, если можно так выразиться, попа-

[1]) Сообщено Юнгом (Jung): „Die Psychologie der unbewussten Prozesse“, Zürich, Rascher. 1917.

дает в насыщенный раствор: еще маленький толчок,—и все это кристаллизуется. Такие подготовленные душевные ситуации называют констелляциями. Как раз реакции ужаса и и боязни в своем появлении и степени силы часто в значительной мере зависят от сферических констелляций. Также и совершенно гетерогенные комплексы, ничего общего не имеющие с ужасом, могут, как мы это видели в нашем примере, действовать констеллирующим образом при условии сферического слияния импульсов.

Подобный бессмысленный испуг от лошади я недавно наблюдал у стареющей девушки, младшая сестра которой только что обручилась, при чем она сама должна была играть по отношению к ней роль Золушки. Она сильнейшим образом испугалась проезжавшего мимо экипажа и в результате не была в состоянии ни стоять ни ходить, так что сама стала центром семьи, получая самый заботливый уход.— В данном случае испуг подготовлен завистью, жаждой любви и лучшей доли. Подобным же образом довольно часто скрываются гетерогенные явления, как напр., подавленная ненависть, старые половые комплексы и тому подобное за бессмысленными представлениями страха и фобиями, за навязчивыми опасениями смерти любимых близких, убийства собственных детей, а также за курьезными приступами страха при виде мышей, крыс, гусениц, порхающих птиц и змей.

Нам не нужно об'яснять, что стремление к материальному благосостоянию или, наоборот, боязнь материальной нужды являются одним из важнейших возбудителей в больших группах простых неврозов, — они хорошо знакомы каждому врачу-практику в области экспертизы по поводу присуждения ренты. В то время, как материальные стремления масс чувственно окрашены нуждою или завистью (ressentiment). как мы это наблюдаем в неврозах, возникших на почве ренты, эти же стремления у вождей, промышленников и капиталистов специфически окрашены борьбой за власть. Соответственно этому мы здесь находим и другие виды неврозов, так, прежде всего настоящую неврастению, истощение нервов благодаря чрезмерной работе при условиях тяжелого напряжения воли и ответственности, затем острые нервные кризисы, а у циклотимиков — настоящие задержанные депрессии, в виде реакции на опасное положение дел, конкурренцию, забастовку или материальный крах.

Несмотря на то, что значительно преобладающей по силе и частой повторяемости, главной массой всех факторов, вызывающих переживания и вместе с тем неврозы, являются три основ ые группы инстинктов—половые, самосохранения и питания (или заработка), мы все же не должны проходить мимо более мелких групп важных переживаний, которые

возникают не непосредственно из побуждений, но главным образом из социальных констелляций и этических чувств.

Переживание изолированности, душевного одиночества вызывает самые различные формы глубоких душевных воздействий. Таковой является своеобразная группа реакций тоски по родине у молодых девушек (см. гл. 13), которые могут повлечь за собой типичные и неожиданные действия, как поджог или убийство детей, чаще же порождают преходящее душевное легкое заболевание в форме реактивных депрессий или общих нервных недомоганий. Таковыми же являются и реакции, вызванные лишением свободы, которые особенно проявляются у находящихся под следствием, в одиночке, или у сидящих в длительном заключении в исправительном доме. Они проявляются или в форме острых взрывов аффектов или в форме истерических или реактивно шизофренных механизмов, или, наконец, как хронически кататимные бредовые состояния (бред помилования), как идеи сутяжничества (Querulantenideen) и преследования. Еще более хронический характер воздействия имеет, подобно среде, глухота, так как она создает, благодаря длительному одиночеству и отсутствию удобного душевного общения с окружающими, раздражительное и подозрительное состояние души, из которого может развиться исполненный страха бред преследования.— Психологически родственным является перенесение в среду, чуждую по языку, что у примитивных людей, напр., во время войны у восточно-европейских солдат, вызывает иногда острые маниакальные реакции страха [1]).

Ближе всего к переживаниям изолированности стоит смерть любимых близких. Она часто вызывает у циклотимиков реактивные депрессии, реже мании. У шизоидных психопатов и скрытых шизофренов она причиняет своеобразные воздействия, особенно в тех случаях, когда в период половой зрелости и после него сохраняются сильные пережитки инфантильной связи с матерью. Смерть матери в таких случаях дает иногда сигнал к острой шизофренной катастрофе; или же чувство внезапной беззащитности дает вспыхнуть сенситивному бреду придавания всему особого значения по отношению к себе. Мать или сестра могли быть последним хрупким звеном между осиротевшим и окружающим миром. После их смерти возникает в виде контраста непонятная холодная ненависть по отношению к другим близким, или происходит замена в образе женщины, несколько более взрослой, которая является одно-

[1]) Cp. R. Allers. „Über psychogene Störungen in sprachfremder Umgebung“, Zeitschrift f. d. ges. Neur. u. Ps. 60, 1920.

временно матерью и возлюбленной, что создает своеобразно колеблющийся оттенок эмоции.

Типичную роль при возникновении экспансивных развитий и реакций, в частности—бреда сутяжничества (Querulantenwahn), играет переживание нарушенного права и оскорбленной чести. В многочисленных неврозах, возникших на почве ренты, рядом с действием переживания ужаса, жажды наживы, страхом перед материальной нуждой, ипохондрической боязливостью играет роль и сознание правовой обойденности. Из этих различных компонентов могут у невротика на почве ренты создаться своеобразно колеблющиеся смешения всей его аффективной установки. Переживанию мнимой или действительной обойденности со стороны суда или ведомства родственны известные конфликты, связанные с чиновничьей карьерой. В то время, как „ошибочное призвание" может вызвать длительно искаженную установку личности (напр. внутренние затруднения теологов поневоле), такие переживания, как обойденность в карьере, преждевременная отставка легко способствуют возникновению тяжелых аффективных реакций, нервных состояний, депрессий, и особенно параноических установок вплоть до подлинного бреда притеснения. В психологическом отношении хронические конфликты с начальством или строптивыми подчиненными могут часто также приобрести очень серьезное значение.

Рессентимент (чувство злобы) и борьба за власть.

Теперь нам остается рассмотреть две типичные констелляции, имеющие основное значение прежде всего не только, как острые реакции переживания, но также и как длительно пребывающая окраска общего фона человеческих чувств и всей жизненной установки. Таковыми являются рессентимент и борьба за власть.

Под термином рессентимент [1]) мы подразумеваем комплексную установку чувствований людей, действительно или мнимо обойденных в жизни; порожденные завистью и нуждою жизненные воззрения; перспективу жизни снизу; сверлящее, постоянно возобновляющееся чувство скрытого внутреннего возмущения, типичную установку слабого против сильного, бедного по отношению к богатству, безобразного по отношению к красоте, больного, вырождающегося и увядающего по отношению к здоровью и молодости; и одновременно с этим здесь отмечается тенденция к кататимной переоценке, придающей слабому и бедному этически более

[1]) Термин „рессентимент" (Ressentiment) введен в немецкую психологию Ницше: Генеология морали.

высокую ценность. Рессентимент может быть источником самых идеальных и самых низменных этических импульсов, смотря по тому, как мы его будем рассматривать. Здесь же мы не будем его рассматривать ни с той, ни с другой стороны, а просто, как психический феномен. Добрая часть этики культурных народов исторически вытекла из возмущения большинства слабых против угнетающего меньшинства, против бессердечного использования обладания собственностью, властью и духовным превосходством за счет побежденных в жизненной борьбе. Высоко одаренные люди, сами пострадавшие, сами бывшие бедными, больными или душевно слишком легко уязвимыми, воплотили свое сострадание по отношению к страдающим в слова, которые открывают новые общественные эпохи. Это можно проследить на христианской этике и особенно хорошо на личности Руссо. В известных стадиях культурно-исторического развития рессентимент и сострадание приводили почти к полному видоизменению нормальных масштабов ценностей, к тенденциозному, иногда граничащему с извращением, этическому предпочтению духовно бедных, голодных и беспризорных, нищих и больных, грязи, лохмотьев, чумной вони и вместе с тем к недооценке сильной здоровой жизненной работы, которая воспитывала общественных паразитов в таком количестве, что это влекло за собой, как напр., к концу Средних Веков, тягчайшие бедствия. Этот антагонизм между моралью господ и рабов, между индивидуализмом и социализмом и теперь еще глубоко влияет на врачебно-общественные вопросы, на карательно-правовую оценку, на общественное попечение о детях и на уход за душевно больными и еще совсем недавно он снова освещался в вопросе о праве уничтожения (Хох и Биндинг) общественно неценных жизней.

Обратной стороной сострадания и альтруистической этики являются скрытая или явная зависть и ненависть ничтожного по отношению к великому, тенденция очернить то, что блестит и затоптать в грязь возвышенное или, по крайней мере, в силу легких уколов и притеснений, считать себя самого непотерпевшим никакого ущерба в своей малости. В этих маленьких средствах, очевидны воля к власти, тенденция продвинуться снизу вверх. У сильных натур это проявляется, как открытая борьба за власть, доверяющая только собственной силе и не считающаяся с обществом. В культурно-историческом развитии, протекающем, как известно, в антитезах борьбы за власть, индивидуалистическая мораль господ временно была вновь провозглашена (Ницше)[1]) в противовес крайностям альтруистической этики.

[1]) Для Ницше, как крайнего шизотимика, очень характерно, что он так остро почувствовал в построении альтруистической этики, антитетический

Психология неврозов в некоторых частях дает интересное отражение этой борьбы за власть между побежденными и победителями [1]). Как раз многие из истерических механизмов являются не чем иным, как **неврозами**, в основе которых скрыта определенная **цель** и которые имеют в виду **самозащиту**, они являются маленькими и часто удачными средствами слабых и нервных индивидов, направленными к тому, чтобы подняться и восторжествовать, несмотря на неравную игру, над умом и могущественными средствами сильных и здоровых. Мы наблюдаем это в массовом эксперименте над неврозами, вызванными войной и несчастными случаями, где людям, душевно слабо одаренным удавалось часто ввести в обман умных и склонить их к состраданию и вниманию, посредством производящих впечатление, но не глубоких истерических продукций, удавалось даже достигнуть важных преимуществ перед сильными и здоровыми. Выше мы уже приводили пример стареющей девушки, которая при помощи истерической реакции ужаса основным образом улучшила и даже совершенно переменила свое положение внутри семьи: из безобразной, игнорируемой всеми, неспособной Золушки, по отношению к счастливой обручившейся сестре, она превратилась затем сразу в центр семьи, обслуживаемый и ценимый всеми с заботливой любовью.

В основе таких невротических семейных отношений лежит особый род уравновешивающей справедливости, но иногда и тягчайшая ирония. В таких случаях, когда истерический ребенок тиранит родителей ужасающими судорогами и припадками бешенства или когда холодная, ищущая наслаждений жена „своим припадком" или всегда наступающим в нужный момент обмороком делает своим рабом здорового мужа,—в этих случаях ясно проявляется рессентимент и борьба за власть. Истерический невроз часто является не чем иным, как продолжением борьбы за власть только с измененными средствами. Часто мы не можем в этом не усмотреть холодного расчета, но, быть может, чаще чувства рессентимента являются сферическими, диффузными, скрытыми в душевных глубинах, а вытекающие из них невротические реакции — инстинктивными или полуинстинктивными, как реакция самосохранения у преследуемых маленьких животных. Только **многозначительная улыбка**, непроизвольно обнаруживающаяся на лице многих истериков во время проведения

элемент рессентимента; простую же естественную благожелательность, добродушие, дружеское отношение человека к человеку, все что может побудить также и сильного защищать и беречь слабого, хотя бы потому, что это ему самому доставит удовольствие и радость — он совсем не заметил, а именно этот последний элемент был бы особенно близок циклотимику или среднему человеку смешанного типа.

[1]) Ср. **Adler**. Ueber den nervösen Charakter, Wiesbaden, Bergmann, 1912.

припадочных симптомов, выдает скрытый триумф слабого над сильным.

Важную роль могут играть рессентимент и борьба за власть и **в развитии характера**. Первичные линии предрасположения какой-нибудь личности могут быть подчеркнуты, усилены или, наоборот, сглажены потребностями жизненной борьбы. Если при этом у личности недостает сил к развитию, то получаются всякого рода половинчатости, кажущиеся образования и обманчивые видимости, действующие, как настоящие составные части личности, но являющиеся не чем иным, как „мерами предосторожности" (**Адлер**), намеченными позициями, слабыми форпостами для того, чтобы провести и запугать противника.

Тогда легко возникает то, что называется **сверхкомпенсацией**, т.-е. чрезмерно сильная подчеркнутость некоторых качеств, долженствующих скрыть за собой внутренне осознанную слабость. Нередко приходится наблюдать, что горбатые, физически безобразные и незаметные люди являются особенно тщеславными, — элегатно и тщательно одеваются и причесываются. Постаревшая, действительно очень безобразная, карликообразная барышня привыкла в свом шизофренном психозе к карикатурной слащавой улыбке, с которой всех спрашивала: „Ну, разве нет во мне чего-то очаровательного"? За усиленным курением сигар, откашливанием, хвастовством, показыванием мускулатуры полувзрослых юношей скрывается, хотя они в нем и не признаются, сознание полусозревшей мужественности. Неоднократно осмеянное чванство выскочки выдает его недостаточно внутреннюю уверенность в общении с высшем обществом. „Отсутствие собственной ценности" и „искание собственной ценности" („Selbstwertleere", Seibstwertsuche" у **Шторха**) [1]) определяет многое в ложных, искаженных, чрезмерных и карикатурных чертах в характере вырождающихся истериков и шизоидных анэстетических психопатов, а именно то искание производящей сильное впечатление внешности при полном отсутствии внутри необходимых для этого данных, ту судорожную, часто производящую смешное, но часто также и почти трагическое впечатление, борьбу, направленную к тому, чтобы с ненастоящими средствами произвести настоящее впечатление, изображая избалованного литератора с пустотою в сердце, или же проявляя теплое человеческое чувство там, где внутренно нет никакого отзвука на человеческие страдания.

Гораздо тоньше проявляется сверхкомпенсация в некоторых чертах характера **сенситивных типов**. Моральная

---

[1]) A. **Storch**. Zur Psycho'ogie und Pathologie des Selbstwerterlebens; Archiw f.d. ges. Psychologie 37, 1918.

скрупулезность принудительного невротика получилась в результате борьбы с сильно извращенными или распутными половыми влечениями. Чрезмерная мания величия нежных натур ученых и художников берет начало из постоянных полупоражений их слабой нервной системы суровыми жизненными ударами.

Так развивается в течение жизни сверх первичных основ влечений и темперамента личности целая надстройка компенсаций, гарантий, торможений. Как „фиктивные руководящие линии" (Адлер), возникает роль „идеального я", образ собственной личности так, как она кажется желательной самому и другим. Эти фиктивные линии образуются, как опыт приспособления к окружающей среде, и могут сильно в различных отношениях искривлять себя, а вместе с тем развитие характера в целом под давлением соответствующего переживания. Идеальное я, таким образом, воздействует сильно на первоначальные возможности реакций личности. Так может, напр., нервозный человек с тем же самым зачатком темперамента в зависимости от действующих на него течений эпохи, духовных идеалов, факторов воспитания создавать один раз фиктивные руководяшие линии человека-господина, другой раз человека, находящего в страдании блаженство мученика или умного стоика, третий раз избалованного эстета—и усвоить себе в жизни соответствующие формулы реакций. Дегенеративный истерик меняет свое идеальное я часто, как бы играя, подобно театральным ролям. У других жизненная роль переходит в другие катастрофично, как будто непонятно и однако внутренно с полным смыслом; так бывает при многих обращениях, напр., у Толстого. Но для опытного взгляда основы темперамента и влечений большей частью возможно хорошо узнать через это фиктивное идеальное я; ибо многие роли подходят только к определенным темпераментам и также одна и та же жизненная роль дается различными темпераментами с характерно различным оттенком.

---

14 ГЛАВА.

Примитивные реакции.

Если мы будем рассматривать отдельные типы реакций переживаний в их отношении к индивидуальному характеру, то мы увидим две строго неразграниченные между собой группы: группу примитивных реакций и реакций личности.

Примитивными реакциями называем мы такие, где раздражение от переживания не проходит целиком через интерполяцию развитой целостной личности, но снова непосредственно реактивно обнаруживается в импульсивных мгновенных

действиях или в душевных глубоких механизмах (напр. гипобулического или гипоноического вида). И то и другое, как импульсивные действия, так и реакции гипобулически-гипоноического пласта, находим мы, главным образом, у примитивных людей, у детей и у животных. Поэтому мы их все об'единяем под названием примитивной реакции. У взрослого культурного человека создаются примитивные реакции двух видов: или благодаря тому, что чрезмерно сильное раздражение от переживания поражает и парализует высшую личность, вследствие чего более глубокие филогенетические пласты психики испытывают изолированное раздражение и, так сказать, становясь на место более высоких механизмов, выступают на поверхность. Мы уже обсуждали выше такое заместительное вмешательство глубоких механизмов в реакциях паники и ужаса. Также картина истерических симптомов иногда может быть вызвана чрезмерно сильными толчками переживания у крепких, взрослых, культурных людей.— Или же мы находим задержки душевного развития, инфантильных личностей, слабоумных, слабонервных и слабовольных психопатов, пострадавших от травмы черепа, алкоголя или скрытой шизофрении. Тогда раздражение от переживания не должно быть особенно сильным, но и под влиянием обычных жизненных раздражений у подобных индивидов создаются часто примитивные реакции, так что склонность к взрывам аффектов, внезапным действиям и истерическим разряжениям может стать для них прямо-таки характерологическим стигматом. Мы упомянем еще об истерии вырождения, об „аффективной эпилепсии", импульсивном душевном расстройстве, безудержных психопатах и т. д., при чем за этими общими клиническими терминами кроются самые разнообразные биологические способы возникновения подобных личностей, а именно: наследственный, внутриматочный и поздно приобретенный, травматический, инфекционный и токсический.

Мы хотим здесь во всей этой пестрой картине разработать лишь общие психологические механизмы и свести их к немногим простым типам. В описании типов реакции мы пользуемся как здесь, так и далее не нормально психологическим, но психопатологическим материалом, так как здесь психологический механизм выступает в увеличенных и карикатурных размерах, а потому яснее виден.

Эксплозивные реакции.

Об эксплозивных реакциях говорим мы во всех тех случаях, когда сильные аффекты элементарно разряжаются без задержки размышления. Психическое напряжение делается слишком сильным и, подобно грозе, разряжается в остром

Ж. Криминальная психология.

Birnbaum, K. Kriminalpsychopathologie. 1921.

З. Медицинская психология.

Фрейд. Лекции по введению в психоанализ.
— Толкование сновидений.
— Психопатология обыденной жизни.
— Тотем и табу.
Freud. Sammlung Klein. Schriften zur Neurosenlehre. 1918.
Jung, C. G. Die Psychologie d. unbewussten Prozesse. 1917.
Adler. Der nervöse Charakter.
Bleuler, E. Naturgeschichte d. Seele. 1921
— Die Psychoide. 1925.
Jaspers, K. Allgemeine Psychopathologie. 1920.
Schilder, P. Medizinische Psychologie. 1924.
Kretschmer, E. Der sensitive Beziehungsowahn. 1918.
Кречмер. Строение тела и характера.
— Об истерии.

И. Дифференциальная психология, психопатология истории культуры.

Möbius, P. J. Ausgewählte Werke. 1911.
Stern, W. Die differenzielle Psychologie. 1911.
Grenzfragen d. Werken und Seelenlebens.
Pelmann, K. Psychische Grenzzustände 1910.
Birnbaum, K. Psychopathologische Dokumente. 1920.
Prinzhorn. Bildnerei d. Geisteskranken. 1922.

Reichardt, M. Einführung in die Unfall und Jnvaliditätsbegutachung. 1916.
Schultz, J. H. Seelische Krankenbehandlung. 1919.
Kronfeld, D. Psychotherapie. 1925.
Hirschlaff. Hypnotismus u. Suggestivtherapie. 1919.
Schilder u. Kauders. Lehrbuch d. Hypnose. 1926.
Frank, L. Affektstörungen. 1903.
Dubois. Die Psychoneurosen u. ihre psychische Behandlung. 1910.

СОДЕРЖАНИЕ.

II часть. Психические аппараты и их устройство с точки зрения истории развития.

III часть. Влечения и темпераменты.

IV часть. Личности и типы реакций.

V часть. Практическая врачебная психология.